

**К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ ПОЛЕМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.
(на материале рукописи „Диариуш“ Афанасия Филипповича)**

Е. КЕДАЙТЕНЕ

Взаимодействие украинского и белорусского языков с другими славянскими языками в период XVI—XVII вв. является весьма важной и актуальной проблемой при изучении формирования, а также развития украинского и белорусского литературных языков. Вопросы взаимосвязей украинского и белорусского языков этого же периода тоже из-за недостаточного исследования языка памятников представляются малоразработанными и требуют глубокого и всестороннего изучения. В истории языковых связей украинский и белорусский языки XVI и XVII вв. характеризуются такой близостью, что некоторые языковеды склонны считать эту общность как „украинско-белорусский язык“. Как известно, такое единство объясняется рядом причин: общим восточнославянским происхождением, длительным историческим развитием украинской и белорусской народностей в Литовском княжестве, а затем в польско-литовской государственности и другими.

В формировании и развитии украинского и белорусского литературных языков значительную роль сыграло национально-освободительное движение украинского и белорусского народов в XVI и XVII веках, которое приобрело форму религиозной борьбы за православие против католической веры. Вера православная стала знаком национальности. Отказаться от православной веры означало то же, что перестать быть украинцем или белорусом.

Брестская уния 1596 г. вызвала большую полемику православных с католиками и новыми членами — униатами, которая по своему содержанию становилась научной; полемическая литература со стороны православных постепенно совершенствовалась. Русские приходят к сознанию, как отмечает акад. Е. Карский, что успех в борьбе с католичеством зависит от их образованности, что следует создать школы, в которых могли бы обучаться люди. И такие школы начали создаваться в Вильне, Киеве, Львове. Школьными учителями, напр. в Вильне, были выдающиеся ученые и проповедники того времени: Смотрицкий, Зизаний, Карпович и др. Полемические произведения, написанные этими учеными и их учениками, по выражению Е. Карского, уже носили явные признаки учености.

Большинство полемических писателей, по мнению Е. Ф. Карского, были украинцами и лишь немногие работы принадлежали уроженцам Западной Руси. „Некоторые деятели по временам жили и действовали в Западной Руси (напр., в Вильне) и в Южной (напр., в Остроге, Луцке, Львове); и там и здесь писали и печатали свои произведения, так как и в этих областях жизнь развивалась под влиянием общих условий“. „Вообще говоря, иногда бывает трудно установить границу между теми и другими“¹.

Народный язык стал сильнейшим средством в этой религиозной борьбе. В Западной и Южной Руси образовалось множество братств, которые встали на защиту православия. Для широкой пропаганды православия и борьбы с католичеством им требовалась полемическая литература, написанная народным языком. Таким образом, демократизация литературного языка также была обусловлена необходимостью вовлечения широких народных масс в борьбу за свое национальное сознание.

Поэтому для изучения литературного языка украинской и белорусской народностей XVI и XVII вв. необходим всесторонний анализ не только деловой письменности, но и языка памятников полемической литературы. Рукопись „Диариуша“ Афанасия Филипповича представляет большой интерес с точки зрения исследования литературного языка первой половины XVII в. В ней, кроме повествования автора о его борьбе против унии, странствиях, помещены послания, письма и другие документы, отражающие в некоторой степени биографию автора и расположенные в таком порядке, что памятник в целом представляет собой как бы автобиографию Афанасия. В конце „Диариуша“ находится повесть о мученической смерти Филипповича, сочиненная послушниками казненного игумена.

Афанасий Филиппович был ревностным борцом за православие, всю свою жизнь он боролся против унии, до глубины души возмущался тем бесправным положением православия в юго-западной Руси, в каком находилось оно после провозглашения Брестской унии 1596 г.

Энтузиаст и мечтатель от природы, Афанасий Филиппович к тому же был одарен решительным и пылким характером. В роли защитника православия и борца против унии он выступал на сеймах, произносил громкие и страстные речи, писал торжественные послания. Высшее православное духовенство Филиппович резко обвинял в равнодушии к своему долгу, в пристрастии к житейским интересам. Филиппович был интересной исторической личностью и в том отношении, что ему привелось быть воспитателем, а потом обличителем перед русским правительством одного из самозванцев, Ивана Лубы, выдаваемого в Польшу за сына Лжедмитрия. Жизнь Афанасия Филипповича кончилась трагически: в 1648 г. он был казнен польскими властями.

Память о жизни и смерти Афанасия Филипповича всегда была живой среди населения юго-западной Руси. Его произведения „Диариуш“ и особенно „Мемориал“ составляли любимое чтение для белорусов и украинцев, о чем свидетельствуют сохранившиеся многочисленные списки. В народе

¹ Е. Ф. Карский, Белорусы, т. III, П., 1921, стр. 16.

были и самостоятельные попытки литературного воспроизведения его жизни. Например, на польском языке существует краткое житие Филипповича, которое в 1805 г. было переведено на „русский“ язык.

Предметом нашего исследования мы не случайно избрали памятник полемической литературы.

В настоящее время достаточно широко и глубоко исследуются деловая письменность и некоторые другие жанры старобелорусского и староукраинского языков, но весьма мало внимания уделяется специальному анализу языка полемической литературы.

Язык „Диариуша“ Афанасия Филипповича может служить яркой иллюстрацией для освещения языка юго-западной полемической литературы первой половины XVII в. „Диариуш“ написан литературно-народным языком, о чем свидетельствуют лексико-фразеологическая, фонетическая, морфологическая и синтаксическая стороны языка. Однако до сих пор неясно, какой это язык, старобелорусский или староукраинский. Языковеды нередко обращаются к этому памятнику, причем исследователи украинского языка используют его при изучении староукраинского языка, исследователи же белорусского языка считают его памятником старобелорусского языка.

В представленной статье мы не считаем возможным и даже нужным решать этот вопрос, поскольку ограничились лишь исследованием одной стороны языка рукописи, анализом склонений имен существительных, при этом большое внимание обращаем на взаимовлияние языковых стихий: отмечаем черты, свойственные только белорусскому языку или только украинскому, указываем на преобладание тех или других, а также не оставляем без внимания отражение книжного церковнославянского языка и влияние польского.

Исследование языка „Диариуша“ проводилось по рукописи, хранящейся в Москве, в Историческом музее².

При анализе склонений имен существительных основное внимание уделяется формоизменению существительных, а также стилистическому использованию тех или иных форм в тексте. В нашем памятнике классификация существительных по типам склонения может быть представлена уже тремя основными типами. Процесс концентрации слов по родовому признаку, о чем свидетельствует собранный материал, получил почти полное завершение. К первому типу склонения принадлежат имена женского рода (и немногие имена мужского рода) на *-а*, с конечным согласным основы непалатальным или палатальным: *перемѣна, вѣра, кошула, бурна* и т.д. Второй тип склонения составляют существительные мужского рода, характеризующиеся в имен. падеже нулем флексии. Форма имен. падежа у этих имен существительных совпадает с основой слова и оканчивается на согласный палатальный или непалатальный: *человекъ, отецъ, князь, привилей*.

² По техническим причинам вместо надстрочного знака [̣], обозначающего *й*, пишем букву *й*. Надстрочные буквы *з, л, м, н, с* и некоторые другие, имеющиеся в рукописи, вносим в слова особым шрифтом. Предлоги и союзы пишем раздельно, имена собственные с прописной буквы.

Буквенное обозначение чисел передаем арабскими цифрами.

К этому же типу принадлежат и существительные среднего рода на *-o* и *-e*: *солнце, тьло, пресльдоване, слышание*. Третий тип склонения включает в свой состав имена женского рода с нулем флексии в имен. падеже. Форма имен. падежа представляет основу слова и оканчивается на палатальный согласный: *смерть, справедливость*.

Имена существительные обладают категорией числа (ед. и мн.). Двойственное число в нашем памятнике отсутствует, если не считать единственного случая у существительного, обозначающего парный предмет:

штосмо ѡчима нашими видѣли (176).

Эта форма сохранилась в белорусском и украинском языках.

В остальных случаях засвидетельствовано множественное число. Проиллюстрируем примерами:

двѣма драганами (175); монастыри наши ѡбадва (176 об); двох речей (176 об); двома кѣлками (177 об, 177 об); двом... реліамъ (170 об); двоухъ штукъ (170 об); два бискупы (170 об); ѡ забране кони двоух (171 об); а кони два (161 об); ѡбѣдвѣ тьи справы (164); гдѣ два або три собрани (165 об).

С числительными *три, четыре* встретившиеся существительные в нашем памятнике употреблены только во множественном числе:

чтыри праздники (152 об); тые три речи (158); през три лета (158); и цноты головны чтыри тьи суть (147 об); кони на подводы три (175); потым в головѣ дироукъ три (177 об).

Что касается звательной формы, то она представлена только в некоторых случаях, в основном у существительных мужского пола:

змилѡйсѧ, кролю Полскій, пане Христіанскій (166); кролю пане мой МлСтивый (167); панъ мой милостивый Владиславе Четвертый (166 об); наиснѣйший кролю Полскій (169); игѡмене берестейскій (173 об); не-дойдеШ Гдѣне ѡтче (150, 152); пане мой милостивый сѣне Жигмонта Третьего Владиславе Четвертый (165 об); брате милый (151 об); ѡтче Афанасій, брате милый, жаль ми тебе (149).

В основе на заднеязычный перед окончанием *-e* сохраняется чередование с шипящим: *стаРче великий* (151).

Следует также отметить, что звательная форма засвидетельствована в нашем памятнике довольно непоследовательно. Там, где следовало бы ожидать названную форму, употреблен именительный падеж, даже в одном предложении рядом со звательной формой:

Змилуйсѧ, кролю Полскій, панъ, а панъ мой милостивый Владиславе Четвертый (167); наиснѣйший кролю Полскій, панъ и панъ мой милостивый (166); панъ мой милостивый (167).

Звательная форма на протяжении своей истории подвергалась взаимовлиянию разных типов склонения, что нашло свое отражение и в „Диариуше“. Например: *пане мой милостивый, сыне Жигмонта Третьего...* (165 об).

На существительное *сынъ*, восходящее в прошлом к основам на **и* (звательная форма *сыну*), оказали влияние основы на **o*, звательная форма которых имела окончание *-e*.

Звательная форма существительных свойственна и белорусскому,³ и украинскому языкам. Но в украинском языке она представлена значительно шире. Там эта форма распространилась не только на одушевленные существительные мужского и женского рода, но и на неодушевленные предметы. В нашем памятнике, как видим, звательная форма очень скромно представлена, она засвидетельствована только у некоторых одушевленных имен существительных муж. пола, также как в других памятниках старобелорусского языка, например, в деловой письменности.

Перейдем к анализу падежных форм имен существительных. Имена женского рода в именительном падеже оканчиваются на *-а*, с предшествовавшим твердым или мягким согласным:

и побѣдка здарѣ Дѣа сѣв: (162); а унеѣа згинеть (177); владза дочаснаѣ (172 об); тылко кошѣлна его была (177 об); и вѣра една ѡрѣнталнаѣ (169); словнаѣ мова (176 об); блискавица страшнаѣ была (177 об); внѣтрагнаѣ война непотребнаѣ... была (170); дорога душа челѡвѣчаѣ (167); бѣрѣа повстала (149); змышлѡнѣй и видѡмаѣ голова (165 об) и другие.

Представляет интерес форма на *-е*:

кролеве ихъ мѣл: жалосне в тоМ ѡшуканы бѣдѣчи (170).

По всей вероятности, слово *кролеве* имеет звательную форму, употребленную вместо именительного падежа ед. числа.

Существительные женского рода в имен. падеже имеют чистую основу, в этом случае конечный согласный основы палатален и на письме за ним следует *-ь*:

неровность есть пыха (172 об); ровность покора (172 об); што постереГши... челѣД владѣчаѣ (160); ѡпорѣкиѣй и ѡкаменѣлость Фараѡнскаѣа (166 об); где снѣлоСТѢ ѡДтинаетсѣа (171); ганебнаѣа смерть поткала (176 об); волность вѣчне зостаеть (173); людскость имъ только (175); цноты головнѣи чтыри тыи сут: ростропность, мѣрность, справедливость и мужество (172 об); реЧѣ великаѣа (143); ноЧѣ была погоднаѣа (177 об) и другие.

Однако, наряду с представленными существительными женского рода на палатальный согласный встретилось слово, оканчивающееся на согласный *в*, который не является палатальным: церковъ таѣа (148).

По-видимому, согласный *в* произносился твердо и поэтому на письме за ним следует *ѣ*. Отвердение губно-зубных в конце слова свойственно и белорусскому, и украинскому языкам.

Имена существительные муж. рода в ед. числе имеют нулевую флексию, на письме пишется *й*, *ѣ* (и без *ѣ*):

слышал голос (177 об); великийѣ страХ палЛ (162); пришоЛ... ѡТѣ цѣ (151); найГоршийѣ гнѣвъ (167); Вырекши тот млоденеЦѢ (150); всѣаК чѣлкѣ ложѣ (171); шатаН проклатѣтыйѣ... могѣ бы брѡити (163 об); як злодийѣ, приЙде (166 об); сѣд страшныйѣ... нападе (166 об); хлопец ѡден (177 об); бо мѣсец быЛ мареЦ (160 об); абы запечатѡвано привилеЙ (161); и в том сродок свѣтоблѣвѣыйѣ (167 об); а папуц ѡден (177 об); явнѣыйѣ потварѣ (176 об); гѣйдукѣ

³ См. Е. Ф. Карский, Белорусы, вып. 2—3, Москва, 1956, стр. 121, 127—130.

повѣдалъ (177 об); свѣтоблвнвй муж (148); небожчикъ посылаъ (177); не выйдеъ з того панства мѣч (177); и глаС мой услышаТ (162).

Представленные формы особых замечаний не вызывают. Хотелось бы лишь отметить, что Филиппович, стараясь писать народным языком, иногда употреблял и церковнославянизмы, но преимущественно в тех случаях, когда он обращался к свяшенному писанию. Напр., въ евангелїи свѣтомъ мовить: „...и глаС мой услышаТ...“ (162).

Существительные среднего рода оканчиваются на -о, -е: затым и писмо юж правосторонное (169); а благочестїе зась незадолго (177); тѣло его лежало (177 об); ѿ бедаЖ нещасте тому (166 об); възшло солнце (177); повстало великое преслѣдоване (176); пришло ми вырозѣмѣне (162); барзо великоѣ старане приложити (167); смыслы сѣтъ: виденїе, слышанїе, повоненїе, дотыкане, смаковане (172 об) и др.

Большой интерес представляют существительные среднего рода с отвлеченным значением, имеющие флексию -е.

Для нашего памятника характерно образование отглагольных и именных существительных среднего рода с окончанием -е. Приведем примеры: барзо великое старане приложити потреба (167); повстало великое преслѣдоване (147); пришло ми вырозѣмѣне (162); пришло на мене страхъ Бжїй и мышлене (151); ѿ бедаЖ нещасте тому (166 об); Смыслы сѣтъ виденїе, слышанїе, повоненїе, дотыкане, смаковане (172 об).

Однако рядом с представленной флексией употребляется и книжная -їе, но значительно реже. Например, смыслы сѣтъ: видѣнїе, слышанїе, повоненїе... (172 об); а благочестїе зась незадолго (177).

Флексия -е в именах существительных средн. рода свойственна белорусскому народному языку. Это окончание -е образовалось в белорусском языке в XV—XVI вв. из -ие, причем *и* сократилось в *ь* (ьје), а *ј* ассимилировалось с предыдущим согласным *н* (как и в украинском языке), смягченным посредством *ь* (*старане, вырозумѣне* и т. д.). Но в украинском языке названная лексика имеет окончание -я. Все анализируемые нами существительные среднего рода на -е наличествуют в белорусском словаре Носовича также с флексией -е: *старанне (старание), дотыканне (осязание), смакованне (ощущение)*; в словаре украинского языка Гринченко также засвидетельствованы эти же слова, но с окончанием -я: *старання, дотыкання, смакота (смаковання* в словаре Гринченко нет).

Кроме того, в слове *дотыкане*, отмеченном в нашем памятнике, после *т* стоит буква *ы*, что характерно для белорусского языка, в то время как в украинском языке *и* (*дотикання*).

Имена женского рода и некоторые существительные мужского рода в родительном падеже оканчиваются на -ы или -и: а принїаТе ѡнѣи (159); и для кривды церкви матки (177); для ласки нашео (175 об); противъ унеи речонье (177); з придаными собѣ з гвардїи нашео (175); але без заслоны (164); яКбы для яЛмѡжны назѣдоваНе цеРкви (148); хмуры нигдѣ не видати было (177); покора ест жродлом цноты (172 об); каПтуР подшитый зЪ головы спалъ (149); и форта до Грециї (167); потребуеъ поправки (167); дорозѣмѣваемся причины (178); зЪ церкви идучи (149); вѣры православної

и церкви Восточной (162); зъ матерїи спижовой (171 об); ведлугъ навки свѣтого апостола (165); о мукахъ и смерти его (176); безъ вѣдомости пастыра (170); зъ милости братенскоѣ (173); с повинности моеѣ (164); мѣра злости выполнила (165); завше ваги несправедливости (165); дочекавши ночи (177 об); ꙗк невѣдомый жаДной хитрости (171 об); ГДна ѡТца гоДной памяти Іошифа Бабриковича (158); з немощи сѣя телесной притрафило (158); съ повинности своеѣ (175 об); зъ милости своеѣ (172 об); ѣхаль до столицы (151); и бѣгучо мене юЖ до брами (160 об); доѣшли до воеводы КарачовЪского (151 об); зъ Мнишковны, воеводзѣанки Сендомирской ДмитровичоМ (163 об); не бѣдѣтъ часѣ мѣти до покѣты (162); и помножеНе вѣры... православной подалеМ (158 об); ключи ѡТкниГ и твоє иЗбы и коморы до Панамарѣ ѡдаѣ (152); ѡ 8рзненѣ бороды (171 об); иЗ турмы выпущано (175); и ѡТ клятвы ѡТступныхъ боронили (170); Ведлугъ принѣтѣя вѣры (163); ѣдучихъ до слѣзбы (175); и противныхъ правды (163); а мяновите з стороны духовной (167); пришоЛ з дрѣгой избы (151); з дороги зблѣдилисмо (151); ѡдошли до державы королевства (148); тутъ до столицы Московской (152); до деревни Кривцова (151); А хто бы з доброе воли своеє (154); с канцеларїи королевское в тые слова (154); zostалеМ... 8 ВиЛни (158 об); потоМ розѣждзаючисѣя з ВаРшавы до Кїева (155 об); не нашедши въ мнѣ вины (156 об); А дѣла навки дѣтей... мѣти школу (154); взято мѣ... до Варшавы (157 об); ѡд ѡкрещенѣса всея Россїи (169); протиВники правды стои (159 об); зъ славы доброѣ (163); особливой воли (162 об); воѣнѣ мѣти съ потребы (162 об); до короны полскои привилѣя надаючи иМ (169 об); лист мнѣ до тѣрмы... писаныѣ (167 об); до Москвы посланыѣ (167 об); церкви своеѣ святой (172 об); а не церкви Восточной Грецкой (170 об); изъ церкви не отходѣчи (176 об) и многие другие.

Исконное окончание *-е* сохранилось лишь в нескольких случаях у существительного с бывшей основой на согласный — *церковь*:

и утикали одъ церкви (148); ижденуть отъ церкви (154); отъ церкви (160, 148 об)

и один у существ. *кровь* с *-ь*: лице ему преч зчернѣло все ѡд порохѣ и ѡТ кровѣ (178).

В памятнике встретилась еще одна форма, образованная по образцу прилагательных: до панеи казановской (175).

Можно полагать, что в данном случае сказалось влияние польского языка, поскольку, как известно, флексия *-ей* у имен существительных женского рода заимствована из польского языка. В нашем памятнике мы имеем лишь единственный пример с таким окончанием.

Флексии имен существительных муж. рода в родит. падеже в исследуемом памятнике следующие: *-а* (*-я*), *-у* (*-ю*), *-ы* (*-и*).

Ведущим и основным окончанием для этого падежа является унаследованная от старины флексия *-а* (*-я*), однако рядом у многих имен существительных муж. рода наличествует и флексия *-у* (*-ю*) из основ на **й*. Относительно последней следует сказать, что она свойственна всем восточнославянским языкам, но в белорусском — а в украинском особенно — окончание *-у* (*-ю*) охватило еще более широкие категории слов, чем в русском языке. В нашем памятнике одни имена существительные имеют только флексию

-а(-я), другие — только -у(-ю). Параллельное употребление этих флексий у того или иного имени существительного отсутствует. Флексия -а(-я) представлена у всех одушевленных имен существительных. Приведем примеры:

всей Россіи князюа (169); до царюа Московского послати (163 об); взято... ѿД королюа Пана (157 об); и далъ... лиСТ до князюа Петра Трѣбцкаго (149); иди до царюа (151); пишеть до намѣстника моего (173 об); ключи... до панамарюа ѿдай (152); мяновите до кролевича (175); от посланца господина отца (148); до крола Давида (167); ѿ Дмитровича цѣвича Московского взято мене (157 об — 158); былеМ ѿ посла (161 об); пришолъ до отца игумена (177); нимаШ ѿТца и мѣжа (159); одъ папежа (165); з діакона посвятити священника (165); прийдѣте юрто до ксиендза (160); таМ до христіанина (151); не видіачи непріателюа (164); одного зъ насъ брата (177); за мужа своего Феофила (171 об); инстигатора не мѣлемъ (161); у Стефана Русина (160); якъ убогого чловѣка Нафана (167); а з лва базилишкоМ и смокоМ... станѣти (170 об); з лиса волком и лвомъ быти (170 об); же может зъ птаха псомъ и лисом сѣа перевернути (170 об); ѡказаВши невиНность мою взглядоМ цѣвича Московского (157 об).

Книжная флексия -а без *j* засвидетельствована у имен существительных, обозначающих церковных служителей:

ѿТ ѿТца папежа Климентіа (170); ѿД покойного Афанасіа Филиповича (148); до Давыдѣа, намѣстника моего (176).

А также и у неодушевленных имен существительных, обозначающих церковные и книжные слова:

всія цеРковь восточнаѣа до православіа СВ маеТ веРнѣти (158 об); до бл҃гочестіа... списаВши жалСонѣй лиСТ (158); ис посланіа мене (169).

Кроме того, флексия -а отмечена у неодушевленных имен существительных, обозначающих абстрактные понятия:

и закоНного живота (158); на свѣдѣцтво до права отдаю (161 об); зъ сего свѣта (176); и свѣта видити не было (149); ѿД того живота не пострадалъ (150); зрозѣмѣвши ѿмыльноСТ свѣта того (158); и власне одъ образа (162); стоячи ѿ престола (176).

У имен собственных с предлогами, обозначающими направление действия, место действия:

з Берестюа прислано (151 об); приѣхавши до Берестюа (162); до Кіева мѣа прислали (155 об); единовѣрныхъ до Кіева (176); ѣздилемъ до Кракова (161 об); Афанасій который з Вилнюа (158); ѣхалисмо неподалеко Сѣвска города (151); пишеть зъ Пинска (154); Приѣхавши... до СлуЦСка (149); идѣчи мнѣ до Вилнюа (158); с Кракова ѣхалеМ (161 об); провадѣят з Варшавы до Кіева (161); посылает мѣа знову... до Берестюа (156) и другие.

Только одно имя собственное в подобном случае имеет окончание -у: з старого Римѣ (169).

У имен нарицательных с предлогами, обозначающими направление действия, рассматриваемая нами флексия представлена очень скромно: лишь в одном примере у существительного *город*: а потомъ до города (152);

и в восьми случаях у существительного *монастырь*:

з монастыра (148); до монастыра (176); А вернувѣшиста до Монастыра (149); вернулемста якбы до монастыра (151); припровадили до монастыра (178); выѣхалем... з монастыра (149) и т. д.

О представленных именах существительных следует сказать, что все они свидетельствуют об отвердении согласного *р*, что, как известно, характерно для белорусского и отчасти украинского языков.

Окончание *-а* встречается также у имен существительных, обозначающих конкретные предметы:

язык з рота... вышол (178); бѣд безъ воза (175); взято ми з ложка взголовѣ и колдрѣ (159 об); стрѣлил з мушкета (177 об); ѿт ѣзилица раздрѣшен иноврѣрныхъ (175 об); и то одѣ огниа зчорнѣло барзо (154).

Несколько случаев у имен существительных, обозначающих время: лежалъ небожникъ... безъ погребу одѣ дня пятого септемвриа (177 об); до дня першого маѣ (177 об); съ полудна до вечера (149).

И, наконец, один случай с отрицанием:

аХ бѣдаЖ креста не принювъши дѣтки (159).

Итак, флексия *-а* отмечена у всех одушевленных имен существительных, а также и у некоторых групп неодушевленных, а именно, у имен существительных с абстрактным значением; у имен собственных при предложном управлении, обозначающем направление действия и место действия; у некоторых имен существительных, обозначающих конкретные предметы и время.

Флексия *-у (-ю)* довольно широко представлена в анализируемом нами памятнике. Окончание *-у* обычно принимают существительные абстрактные, что свойственно и русскому языку.

Проиллюстрируем примерами с существительными без предлогов:

то дознаѣте запевне гнѣву бжго (155); як и грецкого законѣ бѣдѣчих не ѡмѣншати (169 об); ѡконка смыслѣ направил (172 об); А покою и тихости межи розрозненными (169 об); ѡбыватели Повѣту берестейского (152 об); в тых школах волно ховати дѣховного и свѣцкого стану (154); и ѡтвзятна розѣмѣ моего (158); фундаментъ не порядку (165); гнѣвъ Божого и страшного сѣдѣ (160); уважного разсудку (164); на ѡбогий законникъ чину свѣ (157 об);... не ведлугъ порядку (154 об); зближалста час ѡтѣздѣ (149) и другие.

С предлогами:

ѡд сеймѣ до сейму (159 об); зѣ памяти и розуму людского (171); пошли отъ него до суду (177); в панствѣ тут с початку вѣра христьянскаѣ (169); з гнѣвъ мовиль (151 об); зѣ дару Его святого (167 об); ведлугъ стародавню звычайу (152 об); з погромѣ лядского (150); из совѣту ѡбщого назначил инших (151 об); для знаку законного на собѣ маѣчи (160 об); на маю зѣ потребѣ ѣ себе церкви (159); и побѣдка з дару Духа Святого (162); до фолварку ѡсобы едной (159 об); и без позвѣ нан сталъ (161); ведлугъ порядку церковного одправивши (178); до розсѣдку их духовного повабити (160 об); до гнѣву (166); без декрету волнымъ маѣ ячинили (161); даю зѣ ѡмыслу (157); якбы зѣ снѣ ѡбѣжоний (151).

Существительное *часъ* с предлогом и без предлога представлено только с флексией *-у*:

ведлугъ часу таити нетреба (158 об); и *ѡд* того часу *ѣхали*смо зъ собою зъгодне (151 об); *Тогож* часу на сейми в Варшаве (154 об); *ѡд* сего часу мълъ (163); не бѣдѣт часу мѣти (162 об); одъ того теды тамъ часѣ (165); же отъ того часѣ (167); гдымъ ведлугъ часу (162); ведлугъ часу и потребы волею (169 об); ведлугъ того часу (161); одъ оногo часу (176); *ѡд* того часу (159) и т. д.

Окончание *-у* распространилось на собирательные имена существительные и на некоторые слова, обозначающие конкретные предметы, что также свойственно и русскому языку. Приведем примеры с предлогами и без предлогов:

пороху до козаковъ (176 об); ведлугъ народѣ и потребы литеральной (169); одъ пороху (178); не подкинѣли есте *якогo* ворка порохѣ (176); которогo листу на там... *взѣмъ* (156 об); которогo листу правдивый доводъ (170); которогo листу копіа (173 об); *Ведлугъ* того листу посланец не *взѣмъ* (152); зъ того листу (157 об); Латинского шкрилту... *справоватсѣ*—казано (156 об); въ каплици годно королевского кошту (171 об); безъ тестаменту надасть (155); до задатку давалемъ (162); *ѡд* образу чудотворного (149); трѣдно без пашпорту Крoля Пана (149) и др.

Особенно широкое распространение окончание *-у* получило у существительных с предлогами, указывающими направление действия или место действия. Приведем примеры:

до замку приѣхавши (167 об); *ѡтъ*жездаешъ до домѣ (149); *вернѣ*лсѣ... до домѣ (150); поблизу храму (149); приѣхавши з сенату (160 об); в столѣ казал голосно читати (167 об); сидѣлем в столу (149); слѣжилъ в столу намъ (151); пошолъ до замку (176 об); до обозу было припроважено (177); до замку Варшавского *ѡд*дана (167 об); выпровадили... зъ замку (177 об); до обозу *взѣто* (177); недалеко былъ отъ обозу (177 об); вели его до борку (177).

Флексия *-у* употребляется в нашем памятнике и у имен существительных, обозначающих проявление действия, причем большинство из них с предлогами:

ѡд всходѣ и заходѣ (169); до *впадку* (148); зе всходу з Нового Римѣ (169); *под* час всходѣ сѣнца (150); *ѡд* заходѣ зас з старого Римѣ (169); до розѣздѣ... *вѣз*или и *трапи*ли (160 об).

Таким образом, представленный фактический материал свидетельствует о широком распространении флексии *-у(-ю)*. Названная флексия отмечена у имен существительных с абстрактным значением, у имен существительных, обозначающих конкретные предметы, собирательные имена существительные, и у слов, обозначающих проявление действия. Чаще всего флексия *-у* встречается у имен существительных с предлогами (причем, как правило, при существительном не стоит определение: *зъ заходу, зъ сенату, до дому, безъ пашпорту, одъ пороху* и т.д.).

Наличие большого количества форм на *-у* свидетельствует о народности языка памятника „Диариуш“.

Кроме рассмотренных выше флексий, у имен существительных муж. рода в род. падеже встречается еще флексия *-и (-ы)*. Это окончание имен существительных имеет стилистическое назначение. Оно представлено у имен, обозначающих духовное звание: *метрополитъ, патриархъ, архимандритъ* и др. Эти слова под влиянием польского языка сохранили форму женского рода, так как в польском языке они относились к основам на **a*: *metropolita, patryarcha, archimandryta* и т.д.

памяти метрополиты Киевского (176); Нимашъ архимандриты Виленского (159); его мѣсть отца нашего метрополиты (161); ѡдослали до Его мѣл: ѡтца Метрополиты (156 об); до велебного метрополиты (175); до патріархи Константинопольского (162 об, 170 об); послалъ до его милости метрополиты (173 об).

Средний род в родительном падеже представлен флексией *-а (-я)*, унаследованной от общерусского языка. Приведем примеры:

ѣдучи до села (177 об); ближе мѣста (155); до вѣшого царского величества (148); зъ того панства (177); потомства не мѣлъ (148); зъ панства своего выкоренити (177); двѣ близко уха (178); который праве з детства (158); зъ писма Грецкого (169); не отъ тѣла (164); а проклятых втрѣтит до пекла (155); пошлет до царства (155); вколо мѣста зъ ѡказіи (161 об); з похлѣбства ксіенжіи (163); спалъ зъ неба (172 об); зъ духовенства костельного (167); благословенства не маеть (165); до вашего царского величества прибылismo (151 об); и мѣстца сеймowego (160 об); на свѣдцтво до права ѡтдаю (161 об); до сконченѣна сейму... держали мя (155 об); до збавенѣа и до згиненѣа (172 об); взято мене до вѣзненѣа (157 об – 158); ведлугъ жаданѣа братства (161); длѣа пожаданѣа столка сенаторского (163); ведлугъ росказанѣа нѣкоторых пановъ (160); длѣа милосердѣа (151); и до увѣренѣа (175 об); до запечатованѣа привилею недопущоный (160); з сумненѣа чистого (163); длѣа выкупенѣа привилею (161 об); стороны припомненѣа (167 об); длѣа лѣпшого ѡбясненѣа (157 об – 158); безъ всѣакого прекословѣа (165); а длѣа разрозненѣа вѣры (169 об); до выкорененѣа унеи (167); зъ утрапенѣа моего (169); гисторію повоженѣа (171 об); ведлугъ приготованѣа (173 об); ведлугъ уподобанѣа себе самого (173 об); не потребуют великого выбадыванѣа (164); безъ жадного ѡмѣшканѣа и трудности (175); ведлугъ сѣмненѣа православных людеѣй (159); длѣа забѣженѣа... взѣалъ втые слова (156 об); хто маеть уха до слуханѣа (163 об); безъ писанѣа, чудовые столицы Московскоѣй доѣхавши (159); зъ росказанѣа его мѣл кролѣа (173 об); подаю то до побожного уваженѣа (162 об) и многие другие.

Имена существительные женского рода, оканчивающиеся в именит. падеже на *-а*, в дательном ед. имеют флексию *-и*. Эта флексия представлена не только у существительных с мягкой основой, но и с твердой. Приведем примеры:

ѡголошал по воли Божоѣй (176 об); по вѣри вашеѣй (176); по тои суплицы лист мнѣ (167 об); а проклятыѣй по ливѣи (163 об).

Известно, что еще в далеком прошлом на имена существительные с твердой основой в дательном падеже оказали влияние имена существительные мягкой разновидности и передали им свое окончание *-и*. Эта исконная

черта сохранилась в украинском языке⁴ и совершенно утрачена в русском и белорусском языках. Однако, кроме этой украинской флексии, в памятнике в двух случаях засвидетельствовано окончание *-ь, -е* в дательном падеже у существительных с твердой основой, правильно отражающее основное славянское окончание, которое в дальнейшем утвердилось в русском и белорусском языках:

по всеЙ коронѣ ПолскоЙ (176); кѣ ѡздобе и пожитку Речи посполитое (154).

Женский род с нулем флексии в дательном падеже имеет окончание *-и*: по жалосноЙ смерти короля (169 об); казалъ челѣди своеЙ (161) и по смерти не раздрѣшенъ (162 об); ѡжогал млсти вашоЙ (157); всеЙ церкви РосийскоЙ нанеслъ был (156 об).

У имен существительных мужского рода наряду с флексией *-у(-ю)* в дательном падеже достаточно широко представлена флексия *-ови (-еви)*, перешедшая из старых основ на **-й*. Это окончание в украинском языке расширило сферу своего употребления. Оно распространилось не только на одушевленные имена существительные, но и на неодушевленные, в то время как в белорусском и русском языках данная флексия со временем совершенно исчезла. Древнейшие памятники белорусского языка знают это окончание, очевидно, под влиянием соседних украинских говоров и польского языка⁵.

В нашем памятнике рассматриваемая флексия особенно обильно засвидетельствована у имен существительных одушевленных: казали тому гайдукови (177 об); священноиконови бородѣ урѣзалъ (150); хотѣлем ѡказати тот чудъ бжиЙ и послушникови моему (150); и выдалъ, Римскому папѣжови (163); вашеЙ королевскоЙ мѣл панѣ и добродѣви (162 об); Родичови своему милому Жигимонтови Третему (171); мовил Петрови (173); Еппови своему (149); не ѡдномъ Петрови (173); даровалъ вѣчностю жолнерови (148); казали инстигаторови (176 об); абысте томъ чернцови (175); ѡтцѣ Силвестрови Косовови (149); игъменови Берестейскому (175); Тому козакови мусилемъ за дорогу (157 об); хотѣчи самомъ волкови драпѣжномъ (170 об); и ему и коневи (157 об); незвычайному пастыреви (170) и другие. И лишь два случая с неодушевленными именами существительными: уніаты Римскому костелови (170); часови щасливому (160 об).

Приведем примеры с именами существительными, оканчивающимися в дательном падеже на *-у(-ю)*:

що за зыскъ челоувѣку (167); ведлугъ статуту (169 об); ѡзнаЙ мовалем ѡдчаси Гдѣн ѡтцѣ Зосиму Печерскому (161); историю списавши, царю Московскому (159); кролю пану доЙшла (175); игъменъ монастыра (157); забѣгаючи встыду своему (173); и кресту честному (171); неслушно бовѣмъ пану (163 об) и другие.

Имена существительные среднего рода в дательном падеже имеют только флексию *-у (-ю)*:

⁴ См. П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в., Киев, 1889, стр. 63.

⁵ См. Е. Ф. Карский, Белорусы, стр. 125.

тѣлу своему (172 об); набоженства сумненью побожному волного забороняль (163); по всакому слученію (153); которому то росказанію святому (167); А по скоченю выслухал (176 об); по увѣщанію правиломъ (153); и пришестью второму (171 об); *шт* общего ко цѣломъдрію (153).

Надо сказать, что в нашем памятнике не отмечено ни одного примера, в котором бы существительное среднего рода имело окончание *-ови (-еви)*, что является возможным в памятниках украинского языка.

Имена существительные женского рода (и мужского на *-а*) в винительном падеже ед. числа имеют окончание *-у (-ю* после палатальных согласных и *-та)*, правильно отражающее основное славянское *-ѣ*. Примеры: ѣхалисмо... на Калѣгѣ (151 об); и на одну стопу (177 об); за Вислу рѣку... проважено (160 об); шию заломити (177); выдалъ книжку (159 об); въ огиду подають (160); и учинивши памѣтку звыклую (165 об); обачичемъ невѣсту (159 об); же вамъ кривду учинилъ (161 об); на преложенства и на науку (172 об); под ѡршѣ прибылисмо (149); болницѣ, штыпал... строити (153); перевозитъ мѣа презъ Вислу (161); и на Вязму приѣхалисмо (151 об); в Москву пѣстили (150); выпроводилъ на дорогѣ бранскую (151); възышлисмо на высокую гору (150); въ владѣхъ и в держане ихъ подаемъ (152 об); приѣждзаючи под горѣ (150); и дали намъ в томъ вѣрѣ (150); на прозѣхъ стороны... призовиливши тую справу (154 об); имъ мѣти школу (154); незносною кривдѣ... терпитъ (155); до фолварку ѡсобы единойѣ за причину толко давали (159 об); и ѡборонѣ... подалемъ (158 об); рѣки вложивши на голову (159 об); то кривду незносную маемъ (160); тую потѣху рачилъ намъ (160 об); ласку кролевскую... мѣлъ (163); барзо великую справу и послугу на мене (162 об); за себе и за всю владзу (162 об); войну мѣти (162 об); зачатую справу подати (162); и розорвалъ добрую згуду (167); за отмѣну за душу свою (167); маеть фамилію (167); незначие въ карету (167); которую послугу волею Его (164); абымъ правду мовилъ (164); порѣжутъ презъ незгуду свою (164); святобливую памѣтку (171 об); казали справу противъ ему (176 об); еще спершися о соснѣ, стоялъ (177 об); выригнулъ свою злобу (176 об); обачилъ тую шляхту (176 об); проклиналъ ѡнею вашу (176 об); и бѣдешъ потребен на службѣхъ (158); не помнѣчи на клятву (163) и многие другие.

Особенного выделения заслуживают формы: *пѣснь, за пани*: пѣснь... проспѣвати (176 об); зачalemъ пѣснь спѣвати (156); што то за пани (160).

Слово *песня* в винит. падеже в наших примерах имеет форму *песнь* вместо *песню*, по всей вероятности, под влиянием основ на **ї*.

Форма *за пани* заимствована из польского языка, как и само слово *пани* является польским.

У существительных женского рода с нулевой флексией винительный падеж равен именительному. Приведем примеры: ажъ вѣдомостьъ накую бѣдемо мѣти (176 об); въ вонтпливостьъ подавши (171); тую субтелную хитрость (170 об); за печать давали (159 об); видѣачи невинность мою (156 об); въ вѣчность наложона (170); възавши ненависть (163); мѣлемъ вѣдомость (162); за тую печать (162); на бѣдную Русь (176 об); на смерть пойти (177); барзо великую трѣдностьъ задавалъ (151); презъ смерть

поволаныИ будетъ (165 об); о найИстѣ студентовъ на церковь (171 об); на церков православную Берестейскую (159); на тую мнѣйшю речѣ (177); на жаднѣю речѣ (177).

Одушевленные имена существительные мужского рода в винительном падеже имеют флексию только сходную с родительным падежом:

7 лѣт служилем за инспектора Дмитровичу (158); посвятити собѣ папежа (165); намовилъ отца святаго папежа (167); подадемъ презъ мѣщанина (173 об); презъ діакона моего (160); през комисара и дворанина (154 об); презъ челоуѣка (172 об); презъ пана Осинского (165 об); Розгнѣвалъсѣ барзо на отца (149); діакона обнажилъ (161 об); имъ през дворанина нѣшого (154 об); почал конѣ бити (150); обачилем млоденца (150); Хто колвекъ отбѣжитъ пастыра своего власного (162 об); намѣстника гродского (161 об); за пастыра и головѣ (170 об); члоуѣка одного (170 об); за князя Полского Мстислава (169); прислалъ кого своего по того чернца (173 об); посвятили собѣ священника (165) и другие.

Неодушевленные имена существительные мужского рода в винительном падеже имеют форму, сходную с именительным. Приведем примеры: ѡдати мене... под генсѣрекъ (161); въ приготованю на судъ (168 об); не презъ сонъ (158 об); приѣхалисмо в городъ (150); иди на Трѣбецкъ (149); прочитавши привилей (159); аж в самый конец села (150); приготовавши столѣикъ пристойне (151); всес листъ вписаную экстрактомъ (154 об); ити на Смоленскъ и Дорогобѣжъ заграницѣ (149); по сѣс часъ (158 об); в вечер приѣхавъши (160); в каждыИ рокъ (159); а то в ден звѣрствованна (160 об); на ночлегъ упросившисѣ (151); слѣд пошлѣковали (160 об); абы в порядокъ правдивыИ (162); слышати было голос таковыИ (162); дадемъ всему покоИ (161 об); на доводъ того листы ихъ (170); бо въ атласъ зеленый оправлена (167 об); въ лобъ выстрѣлилъ (177 об); за порядокъ благословенства правого (165 об); в реестръ списал (163); подъ час тотъ трвожливыИ (176); в суботѣ в ѡбѣд (175); в тыж день (175); на тотъ часъ выпровадили (177 об); назначоныИ въ четвергъ (175); на ноцъ поѣхалъ на ловы (175); в монастыр вѣехалъ (158 об) и другие.

Средний род в винительном падеже имеет флексии -о, -е: на роздѣлене благословенныхъ (165); ѡ котором през писане (161 об); заслужилъ великое каране (173 об); на волное ѡдправоване справъ (169 об); на ошукане особы едной (161); на уругане благочестѣя святаго (173 об); и предложилем ему докладнѣИ преИзрене бозское над нами (151 об); въ колѣно и болшъ глѣбѣкое (160 об); на вырозумѣне выписую (152 об); през новое мѣсто в Варшавѣ (159 об); и потрѣтивши в болото (160 об); ѡдозвали бы сѣ в повинѡвацтво (163 об); на признане чим ест (163 об); вамъ на свѣдѣцтво (161 об); на королевство наступуючи по августъ (169 об); ѡдавши послушенство (170); въ его тѣло вступити мѣла (173 об); указалъ тое мѣстце (177 об); терплю изгнанне (175 об); презъ окно волаеть (177); з которым ѣхалисмо на Болохово, на Белево (151 об).

Кроме представленных флексий -о, -е, в нашем памятнике отмечены отдельные примеры с существительными, оканчивающимися в вин. падеже

на *-у* (*-ю*), что свидетельствует о народности языка памятника. Приведем примеры:

Пало ми тое на *сердцѣ* (149); и пало добре на *сердцѣ* (151).

Имена существительные женского рода и некоторые мужского на *-а* в творительном падеже имеют флексии *-ою*, *-ею*, представляющие правильное отражение основных славянских *-оѣ*, *-еѣ*: подъ брамою мѣа обскочили (160 об); не был воеводою (149); за тою карточкою гдым приѣхалъ до Пинска (152); естем слугою (157 об); пре то хочъ з тяжкою моею бѣдою мусилем (152); гды крол панъ з дрѣгою юж малжонкою женитисѣ мѣлъ (157 об); подъ клѣтвюю нам заказано (159); з тоею невѣстою (159 об); покоришь покорою (175 об); и изволившисѣ з капитулою (152 об); за злою оферою своею (163); стоялъ над дорогою шапку зивавши (148); в крестѣ изображеный трѣбою ест (155); з гисторіею Московскою (165 об); за причину короля пана (163); волею своею (162); албо владзею нашею (169 об); владнулъ славою (167); съ подлою особою (175); за прозбою нашею (176 об); тою мовою (176 об); и за покорою вашою (167 об); за рѣкою Москвою (158 об); подъ Оршею (158) и многие другие.

Надо отметить, что в „Диариуше“ не встретилось ни одного имени существительного с новой народной флексией творительного падежа *-оѣ* (*-еѣ*), что свойственно было древнерусскому языку. Дело в том, что в украинском языке окончание *-ою* (*-ею*) не переходило в *-оѣ* (*-еѣ*), и книжному украинскому языку XVII в. характерна флексия творительного падежа *-ою* (*-ею*)⁷. Что касается белорусского языка, то в нем также преобладала старая флексия творительного падежа даже в живой речи. Окончание *-оѣ* (*-еѣ*) встречалось лишь на северо-востоке белорусской области⁸.

Женский род с нулевой флексией в творительном падеже оканчивается на *-ю* и лишь в одном слове на *-ію* (*любовію*). Проиллюстрируем некоторыми существительными с флексией *-ю*: над милостію (165); з трудностю (171); за помочію похлѣбцовъ (163); под печатью (154 об; 157); за вѣдомостію кроля Жигмонта (158); тамъ зъ трѣдностю бѣдет (149); школами и всею челядью... не мает ниhto справовати (154); с' помочію цесаровъ и кролевъ (166 об) и другие.

Представленная форма творительного падежа в последних примерах отражает народный украинский и белорусский языки. Уже в древние времена в живом белорусском и украинском языках окончание творительного падежа *-ѣю*, т.е. мягкий согласный *+j+y*, изменялось в удвоенный согласный *+ гласный* или удвоенный согласный сливался в простой, что и засвидетельствовано в нашем памятнике.

Имена существительные мужского рода представлены только с флексией *-ом* (*-ем*):

и за листомъ кроля (169 об); всѣмъ цехомъ (177 об); заволаемъ голосомъ барзо (150); былъ передъ королемъ (176 об); за тымъ братомъ (177); пекли

⁷ См. П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в., Киев, 1889, стр. 65.

⁸ См. Е. Ф. Карский, Белорусы, вып. 2—3, Москва, 1956, стр. 165.

огнемъ (177 об); псомъ и лисомъ сна перевернути (170 об); передъ сенатомъ (176 об); подъ титуломъ словка того уніа (170 об); волком и лвомъ быти (170 об); прикладомъ Феодоры (171 об); таковымъ порядкомъ (172 об); досконалымъ чловѣкомъ (172 об); и свѣтомъ малымъ (172 об); предъ всѣмъ гимномъ людскимъ (162); поводомъ невѣсты Ольги Московки (169); Полскимъ языкомъ (169); грозачи правдивымъ гнѣвомъ (159 об); они жаднымъ способомъ (170); правымъ розумомъ (164); законникомъ zostalemъ (164); зо всѣмъ сенатомъ (165); смысломъ з витязства (161 об); належить справедливимъ судомъ (166 об); над народомъ людскимъ... фолгѣет (165); взглядомъ вѣры православной (161); а кони два зъ возомъ (161 об); зъ великимъ лянентомъ (159 об); и костѣромъ себе бючи (160 об); попъ зъ попомъ побилса (161 об); пале под мостомъ (158 об); былемъ намѣстникомъ в монастыру (158 об); обяснѣю такимъ порядкомъ (158); тымъ листомъ нашимъ (155); чернеземъ zostalemъ (158); чоломъ бючи (157 об); сторожомъ и оборощею бѣдѣчи (153 об); *нак* варомъ облито (149); *оподал* предъ конемъ (150) и другие.

Имена существительные среднего рода в творительном падеже имеют те же окончания, что и имена существительные мужского рода: *-ом* (*-ем*). Приведем примеры:

за позволенемъ его милости (177 об); упреЙмымъ сердцемъ (167); над ѿднымъ мѣстомъ (171); за допушенемъ... могъ бы брoити (163 об); мниманемъ старшимъ называютъ (165); внѣтрнымъ ѿкомъ вижѣ (167 об); надъ тымъ панствомъ (166); предъ владыцтвомъ... бѣдѣчи (163); за розказанемъ метрополиты Кіевскаго Петра Могилы (161); за принѣтемъ зась вѣры (169); за приверненемъ сна землѣ Волинской и Кіевской (169 об); зъ уруганемъ выдати (170 об); измышленые ѿшѣканемъ Шатанскимъ (160); за поданемъ до книгъ (157); зъ великимъ усилованемъ выгубити (171 об); привилеЙ с потверженьемъ оныхъ правъ (159); розумнѣемъ ошуканы будучи (159 об); прозба именемъ ѿбывателей (154 об); и ѿписѣючи въ книги писмомъ (156 об); за належнымъ наказаніемъ (156 об); ѿт князеЙ Панов... подъ запрещеніемъ и непростеніемъ ѿтлученіемъ нераздрѣшнымъ (153); между же братією своею кротостію і попеченіемъ (153); зъ страшнымъ проклатствомъ (159); виденемъ юкимъсь (149); ажъ зъ ѿрганемъ пышнымъ (170); лицемъ въ гору обернул (177 об); заразъ за слицемъ (150); юкимъ сна кумовствомъ (170 об) и другие.

Женский род на *-а* мягкой разновидности в предложном падеже оканчивается на *-и*. Эта исконная флексия сохранилась в белорусском и украинском языках и совершенно вышла из употребления в русском языке (ср. *о земле*). Приведем примеры: на земли будучихъ (170 об); въ своей воли (167); обяснилъ ѿ воли (167); въ деревни Брасови переночовавъши (151 об); на доброй воли (164); и в дѣши мешкающимъ первымъ розѣмомъ (164); згола есть на воли (164); и въ пѣсни в тѣрмѣ зложоной (164); въ той проклатой ѿнеи (163); въ воли то чловѣчей *ест* (148) и другие.

Кроме того, флексия *-и* (что является заменой *ь* в украинском языке) распространялась и на твердые основы, о чем свидетельствуют примеры, извлеченные из нашего памятника. Такое смешение мягкого склонения с твердым в именах с основой на **а*, **ја* в предложном падеже, а также и в да-

тельном (о чем мы уже в свое время говорили) является особенно характерной чертой староукраинского языка⁹. Приведем примеры:

въ покори сердечной (164); где перемешкавши в гостиници дней три (150); в столици Московьской бѣдешъ (149); а в битви той каждого члка (151); в Полши бѣдѣчого (162); на той жеблице... набыти (155); в Варшави ѳчиненый (161); въ духовной справи блудить (163 об); ѳ вѣри православной (176); сѣдит... в Варшави (173 об); в той мѣри... мают (169 об); ѳдѣчому в карѣти кролю панѣ (173 об); в коморци гдымъ ѳправовалъ (159 об); въ столици Московской (171 об).

Рядом с флексией *-и* в предложном падеже обильно представлено окончание *-ь* у имен существительных с твердой основой. Примеры:

въ лѣвой сторонѣ (177 об); в особѣ всеи церкви (165); въ справѣ церковной (173 об); мнѣ въ турмѣ (175); в царской сторонѣ (164); в оборонѣ тоей унеи (163); и въ славѣ свѣта того плавает (167); нехай кождыи при своей сторонѣ (163 об); през новое мѣсто в Варшави (159 об); въ коронѣ папешской (158 об); якбы о причинѣ иншой (157 об); в нѣкоей винѣ (153); въ поповой горѣ конь... зышолъ (150); въ избѣ (160); в вѣрѣ особливе сперегчи бѣдемо (169 об); был в опецѣ (164); што ста дѣяло в дорозѣ (158 об); въ опецѣ его былъ (158); въ великой трѣвозѣ (154 об); поткал нас в дорозѣ чловѣкъ (150); в трапезѣ страх (149).

Последние примеры свидетельствуют о второй палатализации заднеязычных согласных перед флексией *-ь*, что сохранилось и в современном белорусском языке. В некоторых случаях в слове *Варшава* вместо *-ь* находим *-е*, что свойственно белорусскому языку: в Варшави (159 об, 161), ѳ Варшави 154, 154 об.

Представленное разнообразие флексий имен существительных женского рода в предложном падеже свидетельствует о взаимовлиянии и взаимодействии двух стихий: староукраинского и старобелорусского языков.

В памятнике мы наблюдаем даже и такие случаи, когда одно и то же слово имеет три или две флексии в предложном падеже. Например, слово *въра* представлено с тремя флексиями: *-и* (о въри), *-ы* (о въры), *-ь* (о въръ); существительное *справа* — с двумя (о справѣ, о справи), причем флексия *-ь* является преобладающей. Очевидно, *ь* здесь читалось как *и*. Можно привести еще целый ряд примеров, свидетельствующих о неупорядоченном употреблении форм предложного падежа.

Имена существительные женского рода с нулевой флексией в предложном падеже оканчиваются на *-и*:

въдаючи южь о его смерти (177); якъ правдивый в пріазни до каждого (163 об); при бытности ксіонженція (177); жити зѣ братѣствомъ въ единой мысли (153); въ ночи (150); старане ѳ церкви учинивши (148); въ милости братерской (173); и в боѣзни быти (149); въ церкви правдивой (165 об) и другие.

⁹ См. П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в., Киев, 1889, стр. 131.

На -ю: под влиянием дательного падежа (ср. К. Берестю)¹⁰: толко въ Берестю не былъ (173 об); писанъ ъ БереСТю (157).

Имя существительное *церковь* отмечено не только с флексией -и, но также и с окончаниями -е, -ь:

въ церковь Грецкой належачи (169 об); въ бгоспасаемомъ граде берестейскомъ цркви столечности (152 об).

Однако у данного слова значительно преобладает флексия -и, которая впоследствии и утвердилась в старобелорусском и староукраинском языках.

Предложный падеж имен существительных мужского рода твердой разновидности образуется при помощи окончания -ь:

въ великой нас тръвозъ держалъ (149); а найбарзѣй по сенодѣ (165); въ томъ часть (176 об); въ крестѣ Купятицкый (165 об); въ костелѣ под бытност (162); по некоторомъ часть (148); во всем на свѣтѣ рѣдца (148); на томъ грунтѣ (153); и престалем на радѣ (149); дивовалисны в такомъ переѣзде ншом (150); ѡдтоль чудовне въ разводѣ Днѣпромѣ (152); в томъ часть першедши (149); не хотѣлъ... взят в листѣ написанных (152); и въ всемъ повѣтѣ (154 об); при заходѣ слнца (151); в которомъ предѣлѣ (154); на свѣтѣ не машь (177 об); въ сенатѣ въ Варшавѣ (171 об); въ Раковѣ и въ Краковѣ (171 об); мѣлъ столокъ в сенатѣ (163); на томъ судѣ (161); на Никейскомъ сенодѣ (166 об); въ головѣ динокъ три (178); въ костелѣ Римскомъ (165); въ храмѣ (176); въ обозѣ (177); на правомъ крилосѣ (178); на сеймѣ (176 об); на заходѣ и в Римѣ ест принѣтаѣя (169); на всемъ томъ свѣтѣ (172 об) и другие.

Причем флексия -ь нередко чередуется с флексией -и (что можно наблюдать в староукраинском языке) у имен существительных твердой разновидности, даже у одного и того же слова: на слѣпѣ зас том (171 об); а не на слѣпи (171 об); на прошломъ сеймѣ (162 об); потомъ бывши ми на сейми (154 об); на сейми... не хотѣли запечатовати (155); въ сенати поданые (162); въ сенатѣ (162 об); в часи замѣрономъ (164); въ часѣ замирономъ (163); въ томъ часѣ (175).

И многие другие существительные имеют флексию -и (из -ь): повѣдаю ѡ томъ голоси (149); того въ листи (170 об); и на великомъ престоли (161); в Кієви жаден мѣ не спытал (161); ѡписалъ ѡ суди (165 об); в ѣкомъ ѡнъ тутъ титули (161 об); былъ въ Кієви (160); и южъ на выѣзди (160 об); на вози привезеныи (160 об); въ пѣтомъ жаристомъ гнѣви (158) и т. д.

Наличие флексии -и у имен существительных с твердой основой, очевидно, можно объяснить тем, что на них оказало влияние -и мягкой основы, а также и то, что безударное -ь заменялось посредством -и¹¹.

Кроме того, в нашем памятнике отмечена масса примеров с именами существительными, оканчивающимися в предложном падеже на -у (-ю), которое было свойственно существительным с основой на *и, а затем в силу различного рода причин распространилось на другие основы¹². Некоторые существительные на -у имеют вариант на -ь. Например:

¹⁰ См. Е. Ф. Карский, *Белорусы*, стр. 172.

¹¹ См. там же, стр. 131—132.

¹² См. С. П. Обнорский, *Именное склонение в современном русском языке*, вып. I, Л., 1927; Е. Ф. Карский, *Белорусы*, стр. 131.

чернецъ естес в монастырѣ (158); в монастырѣ Кѣтинском (158) и т. д.

Однако надо отметить, что из девяти примеров со словом *монастырь* в восьми случаях в предложном падеже представлена флексия *-у* и лишь в одном окончание *-ѣ* (пример дан выше).

Наши примеры свидетельствуют о том, что флексия *-у* (*-ю*) весьма употребительна при предложном управлении, обозначающем место действия:

в другомъ своемъ монастырѣ (176 об); въ монастырѣ убогом (161); в скѣткѣ своемъ зостанет (164);... на ночлѣгу (149); на Тѣрови Пинску и иишихъ мѣстах и мѣстечкахъ злецоно (148); въ покою ксїонженца канцлера (159); бо хотѣлемъ в рынку (160 об); в замку... берестейскомъ (156 об); въ томъ же замку Берестейском (177); замѣшанна в домѣ (163 об); в замку и в избѣ (160); въ ринку цѣлую ноѣ (177 об); в нерядным домѣ (171 об); въ склепiku поховали (178) и т. д.

С флексией *-у* представлены одушевленные имена существительные, обозначающие людей мужского пола:

игуменъ на тотъ час МежигорскийИ при отцу Самоилу Борецкимъ (158); помолиси Богу ѿ сыну (151 об); при архиерею и сенатори такоумъ (175 об); смысли в члѣку сътъ (172 об); ѿ миѣ грѣшном Афанасию (175 об); А гдым былъ пытанъ ѿ Дмитровичѣ (161 об).

Окончание *-у* у имен существительных, обозначающих абстрактные и конкретные понятия:

в бѣдѣшемъ вѣку (165); по таковом постѣпѣку моеМ (155 об); ѿ непорядкѣ костела Рымского (164); в покою час немалыйИ (157); а затымъ и о покою (177); въ томъ року минулъ (177); въ звычайю набоженства (169); мають въ покою быти (169); ѿ томъ страхѣ неспоминаючи (150); вкресным знаку (148); при бокѣ кроля пана (175).

Широкое распространение флексии *-у* в предложном падеже на различные категории слов свидетельствует о народности языка нашего памятника.

Подобное разнообразие и неустойчивость в употреблении флексий отмечаем и у имен существительных среднего рода. В памятнике представлены существительные с флексией *-у* (*-ю*): въ писаню волностиИ (169 об); его стратили на мѣстцу (177 об); в полю стоит (150); сѣдитъ въ везеню (173 об); не пишемъ о житію его (176); о вынищеню проклятой ѡнеи (164); мѣновите в постановеню Бозском и порядку духовномъ ѡшуканы (162); на сердцѣ моемъ выритое (160 об); въ Кобриню ѡблочинскийИ якис (161); на сердцу своемъ маю (158 об); в сердцу моемъ нарисованое (159 об); по вступленю порядномъ на іерейство (158 об); ѿ грунтовнымъ успокоеню (159); ѿ помноженю хвалы Бозское (159 об); на зас якбы въ восхищенію бѣдѣчи (151); въ Кобриню (171 об); ѡдано ми лист... ѿ запечатованю (157); въ ономъ вѣзеню седѣлъ (177) и другие.

Отмеченные выше формы *на мѣстцу*, *на сердцу* и др. являются польскими формами¹³.

¹³ См. П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в., Киев, 1889, стр. 50.

Имена существительные с флексией *-ъ* и с *-е* (вместо *-ъ*) являются характерными для старобелорусского языка, а также отчасти здесь сказалось и польское влияние. Примеры:

в том послушество (149); в селъ (149); ѿ урзненъе бороды (171 об); о вынищене грунтовное унеи проклятои (162); заходного неслыханым в христанство именовъ ѿнѣтами (170 об); в запомнене пришевши (176 об); великая по всемъ небѣ (177 об); въ свовольномъ панство (172); и ѿ обнажене дѣкона (171 об); о посылане (176 об); по всеѣ коронѣ Полскоѣ и великомъ князство Литовскомъ (176 об); тутъ в панство (166); ѿбраного на его мѣсто (165 об); мало мало в тежайнѣ днѣпровоѣ не потонѣли (149); 8 князстве Литовском (152 об); Прошени есмо были ѿ выдане книгъ (154 об); абы ѿ успокоене (159 об); немашъ въ набоженство належномъ (159); в поле рицерскомъ не стало (159); въ болото въвес поплюскавшисѣ (160 об); въ панство христанскомъ (159 об); в королевстве Полскомъ (160); и въ болото сѣ помазати (160 об) и другие.

Имена существительные, оканчивающиеся на *-и*, в чем можно видеть староукраинскую замену *-ъ*:

При тѣли теж ничогосмо (177 об); въ мѣсти нѣшом берестейском (154 об); въ мѣсти Пинскомъ (158 об); за ѿказанемъ сѣ на деревѣ (148); знаки муки и смерти его на тѣли тѣи сут (178).

Имена существительные на *-ие* образуют предложный падеж с *-и*: потом исправленіи нѣшом (156 об); въ послушаніи зась своимъ (156 об); зо всѣми людьми в пожитіи розѣмнее мѣти (158).

Слова на *-ие* представляют собою церковнославянское наследие, в связи с чем здесь и закрепилась флексия *-и*, свойственная и церковнославянскому языку, и древнерусскому.

В исследуемом памятнике нередко наблюдается взаимная замена флексий *-ъ* с *-и*, *-и* с *-у*, которая отражает взаимовлияние украинского, белорусского и польского языков. Например:

на небѣ и на земли... видилем (158 об); на небѣ хмуры барзо гнѣвливые (158 об); въ небѣ установилъ (172 об); на томъ мѣсто (171); на кождомъ мѣсто (161 об); и въ мѣсти Пинском (148); зачимъ въ мѣсти том берестейском (154 об).

Окончания именительного падежа множественного числа в нашем памятнике свидетельствуют о богатстве возможностей выражения этой формы в период становления системы склонения. Но из всего этого многообразия выделяются лишь отдельные флексии, которые и закрепляются в последующий период жизни языка. Основная и ведущая флексия в „Диариуше“ у имен существительных мужского и женского родов одинаковая — *-и*, а после палатальных согласных *г*, *к* и *х* — *-и*, т. е. те формы, которые являются нормой современного украинского и белорусского языков. Приведем примеры с именами существительными женского рода:

причины правдивыи (169); ибо и планеты ѿказѣют меркѣруша (162); слуги и юристы его милости (157); варунки публичныи мають (169 об); ѿд заходу за с старого Римѣ полваки, ... Болгарки дочки Богемѣи (169); собѣ печелныи

вѣчныи муки (165 об); пѣници много нас турбовали (150); мнѣ мовити тако-
вые речи (162) и другие.

Примеры с именами существительными мужского рода:
смыслы въ человѣку (172 об); розные влады того села (148); накомъ и го-
лосы тые были (175); всѣ каноны и соборы зневажилъ (173 об); в князстве
Литовскомъ сны послушные (152 об) такіе голоса носатся (151); то есть
артикулы вѣры (173 об); варовали... нѣкаторіи ѡбыватели (169 об); бо
значніи то суть предотечи (171 об); всѣ недостатки людскіи (173); намѣст-
ники протопопы и все причетники (152 об); кроїники и права сѣт (169) и
другие.

Колебание в употреблении флексии *-ы* и *-и* у одного и того же слова
в памятнике не отражается.

Таким образом, все имена существительные мужского рода с твердой
основой имеют флексию *-ы*, т. е. древнюю форму винительного падежа мн.
числа того же склонения.

Старое окончание именительного падежа *-и* сохранилось у этой основы
лишь в одном случае:

якъ офицѣри единого кроїга (173).

Окончание *-и* в данном случае, возможно, является чертой староукраин-
ского языка. П. Житецкий в своем труде «Очерк литературной истории мало-
русского наречия в XVII в.» отмечает, что эта форма еще не совсем исчезла
из народной речи: *вовці, пѣтасі, слуги*¹⁴. Как известно, древняя флексия *-и*
именительного падежа мн. числа была свойственна и белорусскому языку.

Мужской род мягкой разновидности и с основой на заднеязычные (*з, к, х*)
имеет древнюю флексию *-и* именительного падежа. Но нам встретился
один пример, в котором имя существительное мягкой основы сохраняет
окончание винит. падежа *-ь* в значении именительного: А надто трапили
мѣ ѡгнѣ алхимичкіе (161). Можно полагать, что эта форма употреблена в
памятнике под влиянием польского языка.

Флексия *-а* у имен существительных мужского рода представлена лишь
тремя случаями и то у слов иноязычного происхождения, что свидетельст-
вует о влиянии латинского языка: догмата церковнии (173); саркаmenta
святѣи (173); ест писмотитла (169).

Флексия *-а* является типично русским новособразованием и неизвестна
ни украинскому, ни белорусскому языкам. Но в некоторых произведениях
на белорусском языке Е. Ф. Карский отмечает имена существительные с
окончанием *-а* и относит их к заимствованиям из русских говоров¹⁵. В нашей
рукописи такая флексия отсутствует.

Окончание *-е* закономерно сохраняют существительные на *-ин*:
мѣщане зъ Люблина, Сокаля, Орши, Пинска, Бѣлска, Кобрынга, Берестя
(159); мѣщане зас убогіе (159); а мѣщане ѡбогіи (161); шо мають христѣане
зъ вѣры православной (163).

¹⁴ См. П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в
XVII в., Киев, 1889, стр. 62.

¹⁵ См. Е. Ф. Карский, Белорусы, стр. 140.

Старая флексия *-ове*, свойственная раньше основам на **й*, в нашем памятнике засвидетельствована у одушевленных имен существительных с основой на **о* и преимущественно у существительного *панове*, что, безусловно, является отражением польского языка:

не хотѣли вас панове (177); казали панове (177); оные панове згордили (176 об); и инші панове христіанскій (167); а панове сѣдовыє (177); Але панове и преложонные згола (165 об) и т. д.

Окончание *-ове* имеют и другие существительные. Употребление старой флексии именительного падежа мн. числа характерно в анализируемом нами памятнике для определенного пласта лексики, а именно, для церковной. Это окончание имеет стилистическое назначение: употребляется с целью создания торжественного стиля, одним из признаков которого является архаизация языка, что обособляет его от живой разговорной речи. Проиллюстрируем примерами:

юакъ другїи духовныи отцеве и братїи мои (162 об); *отцеве старшіи* мои провадѣт (161); посвящають не владыкове (165 об); Инші отцеве всѣ (159); сами отцеве наши старшіи (159 об).

Рассматриваемая флексия наличествовала в церковнославянском языке, встречается также в древнерусских, старобелорусских и староукраинских памятниках, и, по наблюдениям П. Житецкого, сохранилась преимущественно в галицких говорах малорусского наречия (*птахове, ляхове, сватове, ракове*) и в книжной украинской речи XVII в.¹⁶ Живым белорусским говорам она чужда, хотя иногда и встречается¹⁷. Распространенность этого окончания поддерживалась влиянием польского языка, в котором у названий одушевленных предметов оно является господствующим¹⁸.

Средний род представлен только одним примером с исконной флексией *-а*:

мѣста и села *одошли* (148).

Существительные, имеющие оттенок собирательности, употребляются с окончанием *-и*:

навѣжаючи шляхетскіє дѣтки (163 об); креста не принѣвши дѣтки (158 об); бѣдѣтъ ся люди веселити (166 об).

Наряду с окончанием *-и* у существительного *люди* в памятнике отмечается флексия *-е*:

православные люде болшую неволю терпють (159 об).

Формы имен существительных женского рода в род. падеже множественного числа представлены довольно четко, правильно и почти отражают флексии современного украинского и белорусского языков. Существительные на *-а* по общей норме представляют в род. падеже чистую основу:

зѣ обясненемъ таємницѣ (171 об); *о* выдає з книгъ канцелярїи (154 об); бѣда не мовити справѣ (162); ключи *от* книгъ ...*о*ддай (152); абы много вѣрѣ мѣло (159 об); з тыхъ причинъ *о*д одного грецкогo писма (169); отъ

¹⁶ См. П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в., Киев, 1889, стр. 62.

¹⁷ См. Е. Ф. Карский, Белорусы, стр. 139.

¹⁸ См. там же.

всѣхъ насъ бѣдь свободы (160); прислали особъ килка (176 об); отъ сихъ молитвъ (176); ведлугъ силъ немощныхъ моихъ (175 об); до рукъ своихъ не принявши (173 об); зъ тыхъ мѣръ (177 об); до невѣсть побожныхъ (175) и другие.

У имен существительныхъ жен. рода с мягкой основой выступает флексия *-ей* (из древних основ на **i*):

людеИ народу Руского (153 об); и повинностей своихъ пастырскихъ (170); ничогосьмо з вещей не найшли (177 об); и ѡбогихъ людей (165 об); зъ тыхъ двоихъ речей (177); зъ кимъ бы церковей своихъ доходити могли (159 об).

В памятнике засвидетельствована также и форма на *-ий*: и до иншихъ паний (175); въ писаню волностей (169 об); невѣдомыхъ мыслей (165).

Относительно представленной флексии *-ий* П. Житецкий в уже цитированной нами работе на стр. 62 пишет, что эта форма свойственна только галицким говорам, в остальных же говорах украинского языка, а также в русском и белорусском языках она не встречается. Следы этой формы есть и в книжной украинской речи XVII в. Таким образом, можно полагать, что рассматриваемая флексия является особенностью украинского языка, поскольку в памятнике старобелорусского языка и говорах белорусского языка она не отмечается.

Флексии имен существительныхъ мужского рода мн. числа родительного падежа отражают факты, близкие современному литературному языку. В памятнике представлены все три формы, идущие из прошлого и сохранные в наше время. Это флексия *-ов* (из основ на **i*), *-ей* (принадлежавшая в прошлом основам на **i*) и нулевая флексия (из основ на **o*).

Ведущей и основной формой род. падежа мн. числа является флексия *-ов* (*-ев*). В древний период это окончание стало распространяться на имена существительные со старыми основами на **o*. Описываемый языковой процесс был свойственен всем восточнославянским языкам. В белорусском языке это морфологическое явление продолжалось в течение XIV—XVII вв. и привело к более широкому употреблению флексии *-ов* (*-ев*), чем в русском языке. Приведем примеры из нашего памятника: найболшъ было діаконовъ (165); пановъ мѣщанъ мѣста Берестейского (153); презъ езитовъ справиль (161 об); донесена ест нам презъ нѣкоторыхъ пановъ (154 об); а dorosлые без шлюбовъ живут (159); до тыхъ кривдниковъ просилем (161 об); барзо трѣдно для козаковъ запорозскихъ (150); и одъ поповъ униатскихъ починеніи (171 об); одъ студентовъ своевольныхъ (161); потаковниковъ своихъ... подають (160); а найбарзѣи езуитовъ барзо мудрыхъ (160); до тыхъ кривдниковъ просилемъ (161); и помочю ненавистныхъ каплановъ Римскихъ (160); побожныхъ церковныхъ привилеѡвъ печатовати (160); для левныхъ сродковъ (163); якъ и презъ пословъ своихъ (167); много Грековъ (167); бо презъ королевъ пановъ (166 об); с помочю христѣанскихъ цесаровъ (166 об); жолнеровъ зъ жолнерами (166); пановъ сенаторовъ зъ вызена моего (166); одъ папезовъ посвященныхъ кардиналовъ (165); ѡдарилемъ поклоновъ клика (149); а меншихъ одъ папезовъ (165); за донесенемъ нам прозбъ ѡдъстановъ многихъ (153 об); не до арцибискуповъ (167); не до бискуповъ (167); много доводовъ и протестаций (170); не до владыковъ, не до бискуповъ (167); ани до жадныхъ

становъ (167); латинниковъ нашихъ милыхъ (159 об); дѣла гоноровъ и свободы свѣта того (159 об); дѣла столковъ сенаторскихъ (170); всѣхъ окрутниковъ и незбожниковъ (170); отъ иновѣрныхъ и одъ униатовъ проклятыхъ мѣлемъ (157 об); ани з кайдановъ (177); албо порохи до козаковъ посылати (176 об); съ кайдановъ росковавши (177); албо урядниковъ нашихъ (170); сакраментовъ, артикуловъ вѣры (171); и одъ поповъ униатскихъ (171 об); рекль до гайдковъ своихъ (176 об); тыхъ же драгановъ (175); пять талантовъ (175); зъ которыхъ листовъ (175); ѣздилъ до езуитовъ на пораде (175); не могль жадныхъ галасовъ робити (175); писалемъ до розныхъ сенаторовъ (175); у черицовъ знашли (176 об); ведлугъ поступковъ (170 об); надано толко двохъ наглядниковъ (175); а довѣдавшиса же листовъ (150); од злодѣевъ полуденныхъ (159); ведлугъ правъ и привилеевъ нашихъ (153); од старшихъ отцевъ (160 об); и пошукали тыхъ листовъ и пороховъ (176 об); родичовъ зъ дѣтками (166); одъ отца спложныхъ сыновъ (165); Поспалено оное од татаровъ (148) и мн. другие.

Особо выделим форму зъ *оковъ*: былъ волный зъ оковъ (160). Существительное *оковы* акад. С. П. Обнорский¹⁹ относит к словам исконно мужского рода. Форма род. падежа *оковъ* является здесь архаической.

Нулевая флексия род. падежа представляет остаток старого строя языка. Это окончание прежде всего засвидетельствовано у имен существительных, связанных с церковной лексикой, чем и объясняется сохранение архаической формы род. падежа, т.е. без окончания *-ов*:

имѣти предѣлъ стыхъ бголюбивыхъ Мчнкъ князей Российскихъ (152 об); догматъ церковныхъ (171); безъ вѣдомости пастыра своего... для власныхъ привать своихъ... (128).

Кроме того, нулевая флексия засвидетельствована у одушевленных имен существительных с основами на согласные. Это окончание отмечалось в древние времена в живой речи восточнославянских языков и сохранилось в наше время:

мѣщанъ зъ мѣщанами (166); обывателей и мѣщанъ братства (154 об); од Рымлян ошканы (162); такъ княжатъ, пановъ, яко и землян в реестръ списалъ (163).

Колебание форм родительного падежа множественного числа без флексии и с флексией *-овъ* наблюдаем только в слове *часъ* (в значении года): и прошлыхъ часовъ (159 об, 162); з давныхъ час (170 об).

Имена существительные мужского рода мягкого различия и с основами на *ж*, *ц* образуют родительный мн. числа посредством окончаний *-ей*, *-ий*: в читателей же школьных... приимати (153); да пановъ братий вашей милости (157 об); а въ килка дний потымъ (178); въ килка дний (177); отъ братий своихъ (165); од Гдрей королей и великихъ князей литовскихъ Панов наших (152 об); нимашъ мѣжей памѣти годныхъ (159); од православныхъ мѣжей zostала (148); през мѣснцей осмъ (177 об).

¹⁹ См. С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. I, Л., 1927, стр. 16—17.

Имен существительных среднего рода в памятнике отмечено небольшое количество. Слова среднего рода твердой разновидности образуют родительный множественного числа без особого окончания и представляют чистую основу, в мягком различии родительный падеж образуется при помощи окончания *-ей* (из старых основ на **i*). Приведем примеры: ревоковалъ словъ своихъ (177 об); и болшей тыхъ противныхъ словъ (152); и зъ иншихъ мѣсть и мѣстечок (159); и повинни бѣдемо достоинствъ (169 об); *вѣтракнушисна сон ѿт ѿчей* (150).

В дательном падеже мн. числа имена существительные всех родов имеют общее окончание *-ам* (с предыдущей твердостью или мягкостью согласного) из первоначальных имен с основами на **a*:

двом тылко реламъ (170 об); всѣмъ ихъ милостямъ (157 об); дивуючися справамъ (164); братіамъ братства (157); нѣкоторым особамъ также значнымъ (160).

Однако многие имена существительные мужского рода и слово *люди* сохраняют архаическую форму *-ом* (*-ем*) от имени с исконными основами на **o*. Это окончание из древнерусского перешло в памятники старого белорусского языка и старого украинского и сохранилось даже до нашего времени, например, в живом белорусском языке. Приведем примеры из нашего памятника:

а ѿсобливе старостом подстарости, борграбим, державцом, бѣрмистром, войтом, райцом, лавником мѣсть (175); А як паном братіам... ѿбѣцалем дати знати (157); рознымъ ѿсобом и сенатором подати (157 об); и не мовилъ противно униатом (176); въ вонтпливость людемъ простымъ (159 об); православнымъ христіаном (161 об); якъ жолдакомъ нашимъ (175); людемъ подаваны (169 об); далъ всѣмъ людемъ (172 об); свѣцкимъ людемъ привелъ (175 об); не хочѣт нам, людемъ правовѣрнымъ (160); вѣры годнымъ людемъ (177 об) и другие.

Представленное архаическое окончание *-ом* (*-ем*) часто употреблялось в книжном украинском и белорусском языках; оно, очевидно, еще не было утрачено в языке народа, хотя в народном употреблении это окончание фонетически изменялось.

Особенно упомянем о форме на *-ахъ* в дательном падеже: *ѿкрестилася... по полькахъ* (162 об); *по ѱлицахъ Варшавскихъ бѣгалъ* (160 об); *по присягахъ своихъ* (169 об); *по наѣкахъ церковно рѣскихъ* (158).

Флексия *-ахъ* в дат. падеже мн. ч., по всей вероятности, появилась под влиянием предложного падежа множественного числа.

Винительный падеж имен существительных всех родов не имеет особых флексий, они сходны по образованию с именительным и родительным падежами. У неодушевленных имен существительных окончание винительного падежа совпадает с именительным: *ноги протнагъ* (177 об); *през рѣки... приѣхалисмо* (151 об); *мѣшатися в справы несправедливыя* (163 об); *въ тые справы* (167); *въ руки королевскіе отдана* (167 об); *втрѣтит до пекла на вѣчныя мѣки* (155); *принимнѣй, тые три речи заховай* (158 об); *ѿважаючи судбы* (150); *так и на пришыле часы* (157); *згублена на вѣки* (155); *оныя страхи видели* (177 об); *мѣлъ ѱалбо порохи* (176 об); *поѣхалъ на ловы* (175); на

тріумфы и процесіи (170 об); на наѣки облудныя и на титулы высокіе побравши (160); в костелы вбѣгати (160 об); столки сенаторскіе (170 об); куды порохи провадилъ (176 об); торгаючи сеймы (159 об); и ѡписѣючи въ книги писмомо рѣским (156 об); ѡчи сіа тайны (150); немаш мовлю волности юж и за гроши (159); то щастливыя лѣта ваши поживете (155); рекъ тые слова (173 об); взнато... въ ѡковы (157 об — 158); ѡ запечатованнѣ привилега в тые слова (157); презъ тьи оконка (172 об) и мн. др.

Имена одушевленные имеют флексии, сходныя с родительным падежом: на всѣхъ мѣщанъ (177 об); и парафин своихъ (170); и преслѣдуютъ христанъ (160); то есть униатов проклятыхъ (159 об); нѣкоторыхъ пановъ сенаторовъ (159 об); великаѣ тлуца людей вышла (150); законниковъ забравши (161); в звѣровъ и птаховъ драпежныхъ сна перекинѣли (165).

Иногда винительный множественного числа у имен существительных одушевленных сходен с именительным (не с родительным). Данную флексию мы отмечаем у существительных, обозначающих лиц, в основном с предлогами и один случай без предлога, но с местоимением *свой*. Приведем примеры: з страшнымъ проклятствомъ на униты (159); презъ листы и посланцы свои (169 об); презъ воеводы (165 об); на езуиты барзо мудріе (158 об); маете всюды свои мытники (176 об).

Сохранение архаической формы у приведенных существительных объясняется тем, что они употребляются с предлогами и с местоимением *свой*, которые задерживали проникновение народной живой флексии в указанные обороты речи. Старая форма наличествует также у имен существительных, обозначающих животных: одсылаемо кони на подводы три (175); како сѣт на птахы (166 об).

У последнего существительного отмечается колебание новой и старой форм. Ср. и *птахов* драпежныхъ сна перекинѣли (165). Проникновение новой формы в данную категорию слов происходило значительно позднее, чем в имена существительные, обозначающие лиц. В белорусском языке старая форма винительного падежа оказалась более живучей и частично даже проникла в литературный язык²⁰.

В творительном падеже основной формой для всех родов является флексия *-ами* (*-ями*) (из основ на *а), которая в современном украинском и белорусском языках является нормой. Приведем примеры:

листами то и привилегами (166 об); а хитростями барзо (164); зрозными гадинами (164); такъ особами своими (167); и зъ крольями свѣтлыми (167); двѣма драганами (175); кламцами зостали (170 об); з свѣтостями вшелюкими (161); зъ звѣчанами (169 об); зъ козаками успокоить (177); а не засѣдаемъ з бискупами (163); и напродь его тамъ словами и обѣтницами отводили (177); противниками злосниками и тиранами стали (170); огненными муками страшили (177); мушкетъ набити двома кулями (177 об); ѡ забране кони двохъ з возомъ з рѣчами (171—171 об); зъ колегами его в поле рицарскомъ не стало (159); межи монархами свѣта (162 об); зо всѣми пожитками (153); ѡдете всѣ униатами (159); съ послугами моими ѡдаюся

²⁰ См. Нарысы на гісторыі беларускай мовы, АН БССР, Минск, 1957.

(157 об); и видѣхъ чувствами моими (150); и иншими товарищами (170); пришлохъ... з дрѣгими розрядцами (150); будте унітами (161 об); зъ подлисами рѣкѣ (158 об); и зъ иншими наслѣдовцами своими (163); а трохи тѣла мѣстцами зостало (178); и за листами слуги его (171 об); православными христіанами (170 об); зъ козаками (176): зъ войсками ѡшиковаными (158 об); зъ дѣтками зъ монахами до гнѣвъ приводила (166); потребнѣйшіе сѣдбами (148); сѣнами будѣчи родити (165) и другіе.

Среди приведенныхъ примеров, какъ мы видим, нетъ ни одного украинизма, т.е. имени существительнаго с окончаніемъ *-амы* типа *жертвaмы*.

Значительно реже въ памятнике представлена старая форма на *-ы* (*-и*), которая перешла изъ основнаго русскаго языка въ старобелорусскій и староукраинскій языки. Проиллюстрируемъ имеющимися у насъ примерами: тыми словы (153 об); языкъ з рота межѣ збѣы (178); найгоршій гнѣвъ межѣ Греки и Рымляне станул (166 об); по вами, паны христіанскими (166); отливными словы на науки (160); и овшемъ вцели заховати вѣчными часы (169 об); и злыми словы зганеный (160 об); зо всѣми пожитками поступаемо вѣчными часы (153); есть на вѣки выклѣтая тыми словы (169); въ книгахъ тыми словы писаная (154 об); обѣцуюемо задержати вѣчными часы (170); ани утиснемо вѣчными часы (170); вѣчными часы (155); волнымъ чинимъ вѣчными часы (154); тыми словы (169, 169 об) и другіе.

Архаическая форма употребляется въ большинствѣ случаевъ въ устойчивыхъ словосочетаніяхъ, которые, какъ известно, дольше сохраняютъ старыя формы. Въ нашемъ памятникѣ такими словосочетаніями являются: тыми словы, вѣчными часы.

Окончаніе *-ми* (изъ основ на **i*) отмѣчается только у имени существительнаго *люди*: межѣ людми (177); зо всѣми людми (158 об); людей за людми (171).

Особеннаго выделенія заслуживаетъ форма *звѣров*: надъ звѣровъ подданныхъ своихъ (165 об).

П. Житецкій полагаетъ, что эта форма образовалась по аналогіи отъ именъ существительныхъ мужскаго рода: *домовѣ, доловѣ* (*доми, долови*), причемъ произошло смѣшеніе падежей дательнаго с творительнымъ²¹.

Для предложнаго падежа такъ же, какъ для дательнаго и творительнаго, въ нашемъ памятникѣ характерна новая форма для всехъ родовъ *-ах* (*-ях*), которая и является нормой нашего времени. Приведемъ примеры: въ справахъ такъ великихъ (167 об); въ рукахъ своихъ (177 об); руки на персяхъ на крестъ сложилъ (177 об); вѣдаючи о превротностиахъ его (170 об); въ кривдахъ и потребахъ (171 об); въ книгахъ великаго князства (171); въ особахъ людскихъ (172 об); въ патріархахъ згодныхъ (173 об); на мукахъ оныхъ (177 об); въ нѣкоторыхъ словахъ (169); мѣстахъ королевскихъ (170 об); въ катовскихъ рукахъ видити (177); и церковь въ церемоніахъ (169); въ фундушяхъ и привилегахъ (169 об); на розныхъ мѣстцахъ (169 об); въ церквяхъ своихъ (170); же не тылко въ краинахъ (166); же въ панствахъ направи (166 об); въ кайданахъ привести (177); въ селахъ селѣн з селѣнами (166);

²¹ См. П. Житецкій, Очеркъ литературной исторіи малорусскаго наречія въ XVII в., Киев, 1889, стр. 129.

в князствах повѣтах в мѣстах в мѣстечках и в селах (166); шляхетскіе дѣтки при педагогахъ (164); въ метрикахъ немаєъ (162); въ столицахъ своихъ (165 об); поживут еще приданыхъ лѣтахъ щасливе (162); на пергаментѣхъ найденые (159); в повинностяхъ своихъ (163 об); власне в тыхъ словахъ (159 об); въ многихъ розныхъ мѣйствахъ (163 об); а умерлыхъ въ поляхъ в ѡгородахъ и въ пивницахъ... погребаютъ (159); въ розныхъ особахъ (163); в певныхъ теды потребахъ церковныхъ (161 об); въ дворахъ и въ судахъ (161 об); былъ въ покояхъ ихъ милостей (159); на моихъ коняхъ до мене з Кѡпятичъ (161); и былемъ в ѡковахъ (157 об); и людейъ вчоныхъ в тыхъ школахъ (154); въ дѣткахъ малыхъ ѡтливнымиъ словы (160); въ сегосвѣтнихъ роскошахъ (177); въ ѡгнитыхъ полонныхъ (148); в таемницахъ... мовиашы (158); такъ в печерахъ (161); въ шафункахъ (170 об); на улицахъ (171 об); въ достаткахъ (167) и мн. другіе.

И лишь незначительное количество существительныхъ наличествуетъ со старымъ окончаніемъ *-ъх* (*-ех*) при твердой и мягкой основахъ. Флексии *-их* и *-ох* в рукописи не засвидетельствованы. В старобелорусскихъ же памятникахъ и в современныхъ белорусскихъ говорахъ послѣдніе получили широкое распространение²². Отсутствіе ихъ в нашемъ памятнике, очевидно, можно объяснить темъ, что в грамматикѣ М. Смотрицкого не дано окончанія *-охъ*, а флексию *-ехъ* авторъ считаетъ церковнославянскою не только в именахъ с основой на **ŕ*, но и у именъ существительныхъ с основой на **o*, какъ в мягкомъ склоненіи именъ мужского и среднего рода, такъ и в твердомъ. Возможно, поэтому и в анализируемомъ нами памятнике не употребляются флексии *-охъ*, *-ихъ*, и существительные с мягкой основой, вместо ожидаемаго окончанія *-ихъ*, представлены с *-ехъ*, что является отраженіемъ книжного языка. Приведемъ примеры:

ласковостьъ въ тыхъ лѣтехъ (162); в напастехъ бѣдахъ и въ недрѣзехъ (153); отъ единого до временехъ пришлыхъ (153); и людехъ послушенства своего (169 об); въ лѣтехъ семи albo ѡсми (177 об); тръ есть властехъ (173); в молодыхъ лѣтехъ (149); въ людехъ взнецоное (171 об); на санехъ моихъ же хомутъ лежитъ (149); силы засъ в людехъ правоверныхъ (155); в часехъ (148).

В приведенныхъ примерахъ яркой особенностью белорусского языка является употребленіе местного падежа с предлогомъ *по* (в русскомъ языкѣ в этомъ случаѣ только дательный).

отъ единого по временехъ пришлыхъ по насъ ѡбрѣтаемыхъ (153). Ср. в современномъ белорусскомъ языкѣ: „Я буду радъ па цѣлыхъ дняхъ кружыць з камбайнамъ па паляхъ“ (П. Броука)²³.

В заключеніе мы позволимъ себе очень кратко сформулировать некоторые выводы, которые, какъ намъ кажется, вытекаютъ изъ всехъ предшествующихъ расужденій:

1. Представленное с возможной полнотой описаніе именного склоненія в памятнике полемиической литературы „Диариушъ“ Афанасія Филиппо-

²² См. Е. Ф. Карский, Белорусы, стр. 153, 154, 155, 156.

²³ Примеръ взятъ изъ статьи М. Г. Булахова «Некоторые вопросы описательной грамматики белорусского языка», «Вопросы составленія описательныхъ грамматикъ», АН СССР, 1961, стр. 23.

вича свидетельствует о том, что система склонения нашей рукописи отражает литературный язык юго-западной Руси, который постепенно вырабатывался на народной основе. Этот язык с успехом употреблялся в законодательстве — статутах, грамотах, актах, суде. Этим языком писались летописи, хроники, беллетристические произведения. На него переводились и книги св. писания.

2. Формы склонения, насколько они представлены в памятнике, носят признаки живого языка: довольно широкое употребление окончания *-у (-ю)* в род. и предл. падежах ед. ч. имен существительных муж. рода различных основ; флексии *-у (-ю)* в вин. падеже у имен существительных среднего рода ед. числа; флексия *-ю* в ед. числе в твор. падеже у существительных женского рода с нулевой флексией и другие.

3. В формах склонения отражены особенности украинского и белорусского языков.

Перечислим наиболее типичные черты языка изучаемой рукописи, общие староукраинскому и старобелорусскому языкам: отвердение губно-зубных в конце слова, твердое *р*, звательная форма, флексия *-ою (-ю)* в твор. падеже ед. числа у имен существительных женского рода, окончание *-и* в предложном падеже женского рода ед. числа, отсутствие флексии *-а* во множ. числе у имен существительных мужского рода в им. падеже.

Особенности, свойственные исключительно или преимущественно староукраинскому языку: флексия *-и* в дательном падеже ед. числа у имен существительных женского рода с основой на **а*, окончание *-ови (-еви)* в дательном падеже ед. числа у одушевленных и неодушевленных имен существительных, смешение мягких и твердых основ у имен существительных женского рода ед. числа в дательном и предложном падежах, флексия *-и* (из *-ъ*) в дательном и предложном падежах ед. числа у имен существительных мужского рода твердой разновидности, флексия *-ъ* в предложном падеже у слов среднего рода ед. числа, окончание *-ий* в родительном падеже мн. числа у имен существительных женского рода мягкой основы.

Особенности, свойственные исключительно или преимущественно старобелорусскому языку: окончание *-е* в именительном падеже ед. числа в словах: *старане, смаковане* и др., флексия *-ю* в творительном падеже ед. числа у слов женского рода с мягкой основой (*за ведомостю*), окончание *-е* (вместо *-ъ*) в предложном падеже ед. числа у имен существительных женского и мужского рода твердой разновидности, широкое употребление флексии *-ов (-ев)* в родительном падеже множественного числа у имен существительных мужского рода, местный падеж с предлогом *по (по временех)*.

Количество украинских и белорусских черт в склонении имен существительных представлено почти поровну.

4. Влияние польского языка на падежные формы именного склонения ничтожно. Оно ограничивается лишь отдельными формами у немногих слов: *до паней* (род. ед.), *метрополиты, архиепископы* и другие подобные (род. ед.), *за пани* (винит. ед.), *местцу, сердцу* (предл. средн.), *панове* (им. мн.).

5. Что касается элементов книжного церковно-славянского языка, то они, как видно из исследования рукописи, незначительны. Это формы: *ладыкове* (им. мн.), *мученик* (род. мн.), *старостом* (дат. ед.), *лѣтхѣхъ, часехѣхъ* (предл. мн.).

Vilniaus valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas,
Rusų kalbos katedra

· Įteikta
1962 m. lapkričio mėn.

PIETVAKARIŲ RUSIOS 17 a. PIRMOSIOS PUSĖS POLEMINĖS LITERATŪROS KLAUSIMU

E. KEDAITYENĖ

Re z i u m ė

Pateiktas poleminės literatūros paminklo — Afanasijaus Filipovičiaus „Diariuš“ — daiktavardžių linksniavimo aprašymas rodo, kad šio rankraščio linksniavimas atspindi pietvakarių Rusios literatūrinę kalbą, palaipsniui išsivysčiusią liaudiškumo pagrindu. Ši kalba sėkmingai buvo vartojama įstatymdavystėje — statuteuose, raštuose, aktuose, teisme. Ja buvo rašomi metraščiai, kronikos, beletristiniai kūriniai, į ją buvo verčiamos ir šventraščio knygos.

Linksniavimo formos, kaip matyti iš paminklo, turi gyvosios kalbos žymių: įvairių kamienų vyriškosios giminės daiktavardžių vienaskaitos kilmininko ir vietininko linksniuose gana plačiai vartojamos galūnės *-y* (*-ю*); niekatrosios giminės daiktavardžių vienaskaitos galininko linksnio galūnės *-y* (*-ю*); moteriškosios giminės daiktavardžių su nuline fleksija vienaskaitos įnagininko galūnė *-ю*.

Linksniavime atsispindi ukrainiečių ir baltarusių kalbų ypatybės. Pateikiami bendri senųjų ukrainiečių ir baltarusių kalbų bruožai: lūpinių sukietėjimas žodžio gale, kietas *p*, šauksmininko forma, moteriškosios giminės daiktavardžių vienaskaitos įnagininko galūnė *-ю*, *-ю*, moteriškosios giminės vienaskaitos vietininko linksnio galūnė *-u*, vyriškosios giminės daiktavardžiai daugiskaitoje neturi fleksijos *-a*.

Senosios ukrainiečių kalbos ypatybės: moteriškosios giminės *a*-kamienų daiktavardžių vienaskaitos naudininko galūnė *-u*, daiktavardžių, reiškiančių gyvus ir negyvus daiktus, vienaskaitos naudininko galūnė *-ови(-еву)*, moteriškosios giminės daiktavardžių kietų ir minkštų kamienų susimaišymas vienaskaitos naudininko ir vietininko linksniuose, vyriškosios giminės kietakamienų daiktavardžių vietininko galūnė *-u*, niekatrosios giminės žodžių vienaskaitos vietininko galūnė *-ъ*, moteriškosios giminės daiktavardžių su minkštuoju kamieniu daugiskaitos kilmininko galūnė *-уѣ*.

Ypatybės, būdingos senajai baltarusių kalbai: *старане, смаковане* ir kitų žodžių vienaskaitos vardininko galūnė *-e*, moteriškosios giminės daik-

tavardžių vienaskaitos naudininko galūnė *-e* (vietoje *-ѣ*), moteriškosios giminės su minkštuoju kamienu (*за ведомостью*) žodžių vienaskaitos įnagininko galūnė *-ю*, vyriškosios ir moteriškosios giminių kietakamienių daiktavardžių vienaskaitos vietininko galūnė *-e* (vietoje *-ѣ*), plačiai vartojama vyriškosios giminės daiktavardžių daugiskaitos kilmininko galūnė *-ов(-ев)*, senasis vietininko linksnis (*местный*) su prielinksniu *по* (*по временех*).

Baltarusiškų ir ukrainietiškų daiktavardžių linksniavimo ypatybių sutikta beveik po lygiai.

Lenkų kalbos įtaka daiktavardžių linksniavimui čia labai nežymi. Tai liečia tik atskirus žodžius: *до панеи* (vienaskaitos kilmininkas), *за пани* (vienaskaitos galininkas), *местцу, сердцу* (vietininkas), *панове* (daugiskaitos vardininkas), *метрополиты, архиепископы* ir kt. (vienaskaitos kilmininkas).

Bažnytinės slavų knyginės kalbos elementai negausūs. Tai formos: *владикове* (daugiskaitos vardininkas), *мученик* (daugiskaitos kilmininkas), *старостом* (vienaskaitos naudininkas), *лѣтехъ, часехъ* (daugiskaitos vietininkas).
